

Теория большого взрыва в душе хабаровского геолога

Опубликовано в еженедельнике «Молодой дальневосточник» 6 декабря 2019

Юрий Салин, доктор геолого-минералогических наук, член Союза писателей России о науке, политике и философии

– Юрий Сергеевич, вы в свое время активно занимались наукой...

– Если мое время от двух лет до 81 года, то – да.

– То есть сейчас вам 81 год. До которого времени вы намерены заниматься наукой?

– Ближайший рубеж – 100 лет.

– Однако неплохо. И каков ваш взгляд на науку?

– О науке я написал много книг. Сейчас работаю над рукописью «Актуальные истины, вечная Истина».

– Почему вы решили написать об истине?

– Чем больше вникаю в науку, тем лучше вижу, что копать надо до самой глубины – когда и почему она появилась и что было до нее.

– Мысли из вашей рукописи проецируются на современную науку?

– На современную науку они проецируются с точностью до наоборот. Так как наука является приводной шестеренкой научно-технического развития цивилизации, то она напрямую, с ускорением ведет к пропасти. Вся наука – это путь в тупик. У меня есть на эту тему книга «Эволюционный тупик», где анализирую все науки, религии, народные культуры. Когда я жил в кочевом племени, то понимал, что человечество совершенно. Когда возвращался на асфальт, то видел, что нынешнее цивилизованное человечество – извращенцы, которые сами себе все испоганили, извратили, растащили.

– Тем не менее, вы столько лет работали в науке... Как это сочетается?

– Очень просто. В 1970 году было организовано Дальневосточное отделение Академии наук. Академик Юрий Александрович Косыгин хотел знать, что такое геологическая наука. Для работы в этом направлении он пригласил меня, чем мы и начали заниматься в институте тектоники и геофизики. Я заведовал там лабораторией с 1971 по 1993 год. Потом перешел в Институт комплексного анализа региональных проблем. Тема у меня уже была, все знали, что Салин занимается душой человека.

– Чем-чем?

– Что надо подводить под основание наших надежд на выход из кризиса? Душу человека. Что такое душа? Никакой мистики – это память.

Индуизм говорит: человек – это то, что он ест. То есть – тело. А душа человека – это то, что он воспринимает, какими впечатлениями напитывает свою память. Никакой субстанции, никаких образов типа «душа ушла в пятки». Это все мистификация. Если мы формируем свою душу из проверенных вечных истин, то мы будем отторгать науку, которая построена на прагматике, на выгоде, на логике типа «после нас хоть трава не расти». Для этого надо было выяснить, что такое наука? Много было публикаций в журнале «Вопросы философии» и других по вопросам методологии науки, науковедения.

– То есть вы занимались философией науки?

– Да.

– А до этого? Как вы стали доктором геолого-минералогических наук?

– Я учился в институте нефти, где ребята, возвращаясь с практики, спалили мне душу рассказами о Камчатке. На распределении отказался ехать в Поволжье, где есть нефть, я хотел на Камчатку, где нефти нет. Ректор меня уважил, сказав: если на Камчатке нефти нет, то пусть Салин ее ищет. Меня взяли в институт вулканологии. Первая тема – некоторые особенности геологического строения среднего течения реки Ольховой. Когда мне это надоело, я расширил горизонт изысканий до всей реки, потом – всей Камчатки. Когда и ее стало мало – до всего Союза ССР, всей планеты...

На Камчатке написал работу, которую в 1964 году сделали докладом сразу в Академии наук СССР. Дальше пошло-поехало. Я задумался: а что шире геологии? Математика, философия и много других дисциплин. У меня была жажда обобщения. Почему в геологии никто никому ничего не мог доказать? В математике есть аргументы – там деваться некуда. В геологии у одного геолога две точки зрения, а у другого – свое видение. Поэтому я занялся методологией науки – подведением логико-математического основания под всю геологическую науку. Моя докторская работа называлась «Базовая модель геологии и ее расширение» – логика применения, логика построения, алгоритмы построения. То есть компьютеризация и математизация – попытка сделать геологию наукой такой же строгой, как математика.

– Это реально?

– Это было более чем реально. Но, во-первых, подоспела перестройка. Во-вторых, стал думать: а зачем это делать? Стало совершенно очевидно, что иностранцы придут на нашу землю, станут новыми хозяевами, с помощью моих инструментов найдут полезные ископаемые и скажут: а вы, русские, здесь что делаете? Я делал разработки не для разграбления недр моей родины. И я перестал заниматься совершенствованием инструментов поиска полезных ископаемых, поставив на этом точку.

– Еще кто-то в России занимался такой темой?

– Была целая школа академика Косыгина. Она звучала на весь мир. Проходили конференции – на Дальнем Востоке, в Молдавии, в Эстонии, в Средней Азии – везде! Это отдельное направление в науке – методология геологических построений.

– И что? Все заглохло?

– Нет продолжается.

– Что продолжается?

– Вот слушайте. Мой друг – профессор Владимир Афанасьевич Буряк имел мировое признание за теорию «черных сланцев», из которых теперь добывают сланцевую нефть, сланцевый газ, но там есть и золото. Буряк составил прогноз: бурите! Пробурили. Сделали промышленные пробы. Месторождение было принято, поставлено на баланс государства. Так он стал первооткрывателем крупнейшего на планете золоторудного супергиганта на севере Иркутской области, за что стал лауреатом Ленинской премии в 1982 году. Это самое крупное из существующих в мире месторождений.

А потом приехал мистер Бейтс и купил это месторождение золота. Буряк написал в газету «Известия», как происходит разграбление страны. Он думал, что его озабоченность поддержат. Но демократическая газета «Известия» даже не напечатала протест лауреата Ленинской премии, первооткрывателя месторождения.

В журнале «Дружба народов» за 1986 год в статье «Открытия Дмитрия Агапитова» я писал, как давались открытия геологам: и тонули, и замерзали, и погибали... Агапитов на Чукотке открыл месторождения нефти и газа. А сейчас все это принадлежит Роману Абрамовичу.

Вопрос: надо ли мне делать открытия полезных ископаемых для Гейтса и Абрамовича?!

И я решил: не буду обеспечивать их инструментарием. Лучше буду изучать альтернативные пути.

И пришел к выводу: вообще нефть не нужна.

– Так категорично?

– Я сказал «вообще», то есть по большому счету. Но пока она служит нашей армии, нашим танкам и самолетам, чтобы защищать нашу родину, нефть нужна.

Я вам напомним. 1942 год. Немцы идут к Сталинграду, отрезая страну от южных нефтедобывающих территорий. Надо искать нефть в районах, недосыгаемых для противника – в Башкирии, в Татарстане. Работа требует гигантских затрат и времени. Молодой геолог Андрей Трофимук сказал: бурить тут! Если бы нефть не пошла – ему расстрел. Но нефть пошла. Вместо расстрела он в 1944 году получил звезду Героя Социалистического Труда.

А потом Трофимук стал самым выдающимся в мире геологом-нефтяником. Был награжден шестью орденами Ленина, тремя государственными премиями и множеством других наград. Но в его биографии есть и такой факт. В 1998 году он отказался получать от президента Бориса Ельцина орден «За заслуги перед Отечеством» в знак несогласия с политикой государства по отношению к своим гражданам. Для Родины геологи нашли все, а дальше...

Про Дальний Восток скажу так: при советской власти здесь была большая наука. Здесь гигантские богатства недр. По запасам полезных ископаемых мы занимаем первое место в России.

– Почему в советское время наука была на высоте?

– Потому что за тысячелетие существования Российского государства, в том числе и в советское время, правительство было патриотичное. Никто не мог представить, что власть будет работать на врага. И в царское, и в советское время патриотизм был определяющим, государствообразующим принципом. Так же, как в Китае национализм уже четыре тысячи лет определяет все. Попробуйте эту основу разложить изнутри – Китай всех задавит.

Так вот: в советское время Камчатка, Чукотка, Магадан были самыми исследованными территориями.

– Почему?

– Здесь работали умные сосланные люди. Не забыли «шарашки»? Целая эпопея, как они открывали золото на Колыме! И какой сферы ни коснись, наука была на высоте. Наука выполняла свою высокую миссию. А Хабаровск был научным центром, куда вели все пути-дороги. Он был мозговым центром, который обеспечивал научное окормление.

– А что потом случилось с наукой?

– Наше доброе правительство сделало повышение окладов.

– Что же в этом плохого?

– Что такое повышение окладов без увеличения фонда заработной платы? Директор говорит: чтобы получать зарплату, как раньше, пиши заявление, что желаешь работать на половину ставки. А отчитывались, что зарплата выросла вдвое. Вот такое жульничество. А в науке шло еще и уничтожение духовности, ментальности, мысли нации...

– Как-то не очень понятно... Причина была только в зарплате?

– Конечно, нет. Шли периодические сокращения, потом их стали прятать за словом «оптимизация». Регулярно урезали бюджет. Это что означает? Никаких экспедиций, конференций, библиотек... Не планировались деньги даже на оплату коммунальных услуг! Это было по всем научным учреждениям. Сколько раз ученые бунтовали, выходили с протестами в Петербурге, в Москве...

– Но у нас-то не бунтовали...

– У нас нет критической массы. Сколько всего-то у нас ученых?

– Недавно Дальневосточный федеральный университет хвалился зарплатой мирового уровня. Можно верить?

– Туда бы хлынул народ, если бы это было так. Понятно, что человек идет вслед за рублем. Но... Иногда захожу в свой институт и вижу, как все инертно. А я ведь помню, какие там бывали схватки, научные дискуссии! Где энтузиазм? Где творческий импульс? Покорное вымирание...

– Какую-то грустную картину вы нарисовали... А выход какой?

– А какой выход предлагал Ленин? Власть должна принадлежать народу. Почему революция победила именно в России, хотя тогда социалистическое движение было во многих странах? Потому что, как считал поэт Александр Блок, Россия – страна с социалистической психологией. У нас социалистическая душа. Есть книга Шарля Летурно «Эволюция собственности». Он писал, что раньше община была основой любых государственных образований на всех континентах. К концу 19 века община как основа национального устройства осталась только в России.

– Мы с вами как-то нечаянно перешли от науки к власти...

– А все взаимосвязано. Если власть служит народу, то народ будет вместе с властью. Сейчас власть служит олигархам. И народ ничего от власти не ждет. Поэтому кто же будет на нее работать? Какой может быть энтузиазм?

– Подождите. Но гражданин живет в России, работает на свою страну...

– В свое время был такой Николай Михайлович Карамзин, который писал о любви к Отечеству. Он выделял три типа любви. Любовь физическая – это любовь к природе. Любовь моральная – это любовь к народу. Любовь политическая – это любовь к власти. Так вот при Карамзине все три любви были едины. Тогда было единство власти и народа. Тогда патриотизм не надо было дифференцировать – кому ты служишь. А сейчас идет разделение. Люблю природу и народ – я патриот. Но я не люблю власть – здесь я не патриот.

– Почему в царское время в стране было единство? Чем оно обеспечивалось?

– Историей. Тем, что Россия – это единственное государство в мире, которое тысячу лет жило в условиях осажденной крепости. Татары, шведы, поляки и прочие со всех сторон стремились уничтожить Россию и русских. Чтобы противостоять, чтобы выжить, требовалось единство.

– А в советское время?

– Я любил ту власть. Я не был членом КПСС, поэтому у меня беспристрастное суждение. Та власть слышала людей, у нее была обратная связь.

– Если советский строй объединял людей, то что с нами случилось? Что разъединило?

– Вы слышали, что такое идеологическая война? Мы в свое время ее проиграли.

– Понятно.

– Но не только это. Есть такой критерий – по доле государственной собственности. То есть – соотношению бюджета к ВВП. Внутренний валовой продукт – это все, что производится в государстве. Бюджет – это то, что принадлежит государству. Мой друг – профессор Орлов из баумановского института – составил график, как меняется это соотношение. В советское время оно составляло сто процентов – все было государственное, а страна – социалистическая. Орлов сравнивает 11 развитых капиталистических государств. У них идет увеличение роли государства в управлении. И на данный момент во Франции – 58 процентов составляет бюджет от ВВП, в Швеции – 58, в США – 35, а в России – 11. То есть у нашего государства нет денег, нет средств, оно все раздало. Более капиталистического государства быть не может! История такого не знала.

– Как тогда воспринимать Дальний Восток, которому столько внимания...

– Когда-то цари и генсеки вкладывали в эту территорию немалые средства, потому что это холодный регион с лоскутной заселенностью и неразвитым транспортом – все убыточно. Центр всегда выделял сюда средств гораздо больше, чем получал от Дальнего Востока. И он оставался нашим. А сейчас это открытое пространство, как распоротый мешок. Гектары, ТОСЭРы... Мои друзья-пасечники взяли эти гектары и просят провести электричество – три столба поставить. Шиш!

– Вы своими взглядами в чем-то противоречите политике власти. И что получаете?

– Получаю удовлетворение. Жизнь дается человеку только один раз. И прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. Помните, да? Я счастливый человек. Мне не в чем себя упрекнуть. А возьмите счастье богатого Березовского – где он сейчас?

– Где, где – там...

– Это еще вопрос, ДНК-экспертизу никто не проводил. Даже если так – и что? Счастье обязательно включает в себя спокойную чистую совесть. Ну, нахапаешь... А сколько ты сожрешь, сколько выпьешь и т.д.? И что дальше? Но главное – зачем? Какой в этом смысл?

– Вы написали книгу, где изложили свой взгляд на историю экономики Дальнего Востока...

– Мы изучаем историю, чтобы находить пути выхода из тупиков и кризисов. Для этого и делаю анализ, сравнение всех особенностей экономического развития территории до царя, при царях, секретарях, президентах, губернаторах... Книга написана в 2004 году. Неужели не ясно, кто работал на развитие и кто на уничтожение государственной принадлежности Дальнего Востока?

– У нас в гостях были товарищи, которые говорили, что экономики Дальнего Востока нет как таковой.

– Знаю я этих товарищей. Один из них говорил, что главная цель – интеграция. То есть отказ от обособленности, от независимости. А при царях и генсеках имелось жесткое ограничение: наши границы – непроницаемы. В 1912 году депутат царской Государственной думы Спиридон Денисович Меркулов написал «Искушение чужим хлебом». Он считал: если не будет жесткого ограничения, то все кредиты, все финансы, которые идут на Дальний Восток, прямиком уйдут в Китай. Если хотите развивать Дальний Восток, закройте границы, чтобы все осваивалось здесь. Возьмите секретный доклад Арсеньева в 1915 году: закройте границу для китайцев! Это опасность! Разве эта мысль устарела? Дальний Восток – форпост страны в тихоокеанском регионе, вся экономика должна работать на обеспечение его оборонного потенциала. А сейчас все открыто. Китайцы, американцы, японцы...

– Сейчас все держат нос по ветру...

– Иногда, когда смотрю в зеркало, то думаю, что не все. Да много таких людей

– Кстати, как вы оценили минувшие выборы депутатов?

– Пока это просто протест против политики власти. Потому что ни у губернатора, ни у ЛДПР нет региональной политической программы. Они за социализм или за капитализм? Нет ответа. Значит, они за тот же капитализм, за который был и предыдущий губернатор, и единороссы. Наш народ пока знает ПРОТИВ чего выступать, ЗА что – он пока не знает.

Я спрашивал студентов, что они думают о советской власти? Отвечают: а что думать, если ничего хорошего о ней не слышали? В чем, кстати, и ваша заслуга.

– Наша????

– Ваша! Не персонально, конечно, а журналистского сообщества. Если бы СМИ не так бездумно ополчились на прежнюю власть, может, сейчас не так остро складывались бы отношения в обществе.

– Что, на ваш взгляд, позволило так быстро изменить государственный строй в нашей стране?

– Герой романа «Берег» Юрия Бондарева ведет дискуссию с немецкими писателями, которые говорят: вы еще не прошли испытания сытостью! Ни одна страна не выдержала его. Россия тем более не способна, потому что она никогда не была сытой. А философ Эрих Фромм писал: основоположники научного коммунизма были не правы в том, что будущее видели, как потребительский рай. Вот это потреблудство...

– Ах, какое хорошее слово!

– ... оно окончательно пустит под откос кого угодно! Нашу вечно голодную страну сразу же, безоговорочно! Как только наш народ немного наелся, тогда и было обозначено, что мы идем к краху.

Наш земляк Михаил Иванович Леденев написал книгу «Почему Россия петь перестала?» Была всегда Россия голодной, но всегда пела. Сейчас не услышишь. Пока Россия не научится снова петь, нам надеяться не на что. Спрашиваю своих студенток: что вы поете, когда встречаетесь? И слышу: а мы не встречаемся.

– Вы хотите сказать, что нынешние студенты – безнадежное поколение?

– Абсолютно не так! Они впитывают все, как сухой песок. Они говорят: а нам никто такое не рассказывает. Я давал им задание написать, что они думают о науке, о жизни. Они завалили меня рукописями. Ой, как они писали – читаешь до дрожи! Души нараспашку! У них самые оптимистичные предчувствия. С ними просто надо работать.

– Значит, ничто не потеряно в нашей жизни?

– Ничто не потеряно! Просто есть шелуха, которая моментально слетает. Единственное, о чем они говорят: мы же не сможем... А я убеждаю: да вы не знаете своих возможностей – вам все по силам! вспомните, сколько надо времени, чтобы народ обрел собственный политический опыт?

– Сорок лет водил Моисей...

– Во времена Моисея не было интернета, поэтому ему было легче. Знания передавались из уст в уста. Человек смотрел в глаза человеку. Слушал. Если не соглашался, то возражал. Было живое общение, живое нахождение истины.

– Но как же нынче без интернета?

– Лев Николаевич Толстой говорил, что и пожар тоже полезен – у горящего дома можно согреться, можно прикурить от головешки... Еще вариант: когда Си Дзинь Пинь пришел к власти, он ввел в политбюро (высочайший орган власти в Китае) человека – врага интернета № 1. Сейчас Китай сооружает великую китайскую (электронную кибернетическую) стену, чтобы защитить от растления интернетом китайскую молодежь. В свое время иранский президент объявил: 2013 год будет без интернета! И в 2013 год Иран вошел уже без президента Ахмадинежада. В Китае это не провернешь.

– То есть «железный занавес», который в свое время был в нашей стране, – это во благо?

– Это было правильно. Иначе Советский Союз рухнул бы не в 90-е годы, а в 60-е. Нужно защищать молодые неокрепшие умы от растлевающего воздействия вражеской пропаганды. Тем более, что враждебный к нашей стране мир никогда и не скрывал своих задач.

– Стало быть, вы против интернета?

– Берите глубже. Я против научного прогресса в его понимании как объективной рациональной науки. Во все века у каждого народа была наука о том, что больше всего нужно человеку. А нынешняя объективная рациональная наука – это зло, в котором я прекратил свое участие.

– Но вы прекратили это, будучи уже в некоем научном статусе... А когда у человека этого нет, то как прекратить?

– Можно пахать на танке. Но лучше на танке не пахать. Можно атом использовать в мирных целях. Но это может стать злом. В Якутии алмазные трубки располагаются под лавовыми покровами, которые гораздо прочнее железобетона. Однажды одну из них взорвали атомным зарядом. Теперь туда нельзя ходить. Никакое достижение науки не может быть полезным. Ни-ка-кое! Что бы ни придумывали ученые, у них всегда почему-то получается оружие.

– Но ведь прогресс не остановишь.

– Самое главное – не прогресс останавливать, а проникать в души людей. Моя жена рассказывала, как в послевоенное время мама купила ей красивую косыночку, но она ее не надевала. Почему? Другим будет завидно. Вот эти нормы надо восстанавливать. А сейчас все наоборот – напоказ, на зависть.

– К сожалению, демонстрация богатства напоказ – это российский менталитет последних десятилетий. Что же нам делать с извращенным потребительством? Искоренять?

– Нет! Бесплезно! Надо работать с человеческой душой. Надо разговаривать. Еще десяток лет назад я приходил домой после студенческих лекций весь измотанный, измученный. Потому что требовалось преодолевать их стену отторжения. Сейчас стены нет, как только ребята сообразят, сразу начинают внимательно слушать.

Мой самый любимый предмет для студенческой аудитории – религиоведение. Нет бога кроме человека. Атеист не тот, кто не верует в бога. Атеист тот, кто не верует в себя, в величие своей собственной души. Вы совершенны. Вам не надо совершенствоваться. Вы чисты в естестве своем. Вам не надо очищаться. Поймите это и окажитесь на высоте своего собственного предназначения. Убеждает?

– Убеждает.

– Поэтому я рассказываю и о вечном, и о сиюминутном. Почему цивилизация страшна в своей неотвратимости? Работают положительные обратные связи: чем ты богаче, тем больше

богатеешь. Если не вводить какие-то запреты, то все пойдет вразнос – никому не будет хорошо. Поэтому должны быть отрицательные обратные связи – тормоза, стопоры и реверсы. Как заведено в природе? Потрясающе! Вот вам пример. Основной пищей морских звезд являются двухстворчатые моллюски – офиуры. При рождении они так малы и беспомощны, что морские звезды могли бы их съесть сразу всех. Но есть природный инстинкт: когда размножаются офиуры, морские звезды впадают в полное двухмесячное голодание, пока мальки не подрастут. Так сохраняется баланс выживания и одних, и других. Это только один пример, а их уйма. У цивилизации нет никакого стопора и реверса. Никаких ограничений не предусмотрено. Вот в чем трагедия. Ограничения только духовные – в истории, в памяти...

– По поводу выживания. Появляются разные теории сокращения народонаселения планеты...

– Я против людоедских теорий. Одна международная организация подсчитала, что в 2010 году беднейшая половина человечества (3,6 миллиарда человек) потребляла столько же, сколько потребляли 388 богатейших людей мира. Так кого «сокращать»? Обьедают природу не нищие. Лев Толстой говорил: помочь бедным можно единственным образом – перестать их объедать. То есть снизить потребительство. С кого начинать: с нищих или сверхбогатых?

Вы никогда не задумывались, почему все без исключения религии направлены против богатства?

– Однако мы переходим в стадию еще более серьезного разговора. Давайте перенесем его на следующую встречу. А сейчас такой вопрос: когда вы шли к нам в редакцию, о чем хотели рассказать?

– Я шел, чтобы отвечать на ваши вопросы.

– Наши вопросы вас удовлетворяют?

– Вполне. Вы для меня как исследовательская лаборатория, где я изучаю, как реагирует народ на мои мысли и доводы.

Раиса Целобанова